

Просвещение и патриотизм

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик...
Н.А. Некрасов

Для нашей культуры понятия «патриотизм», «просвещение», «свобода» неразделимы. Ибо новая Россия, как многонациональная империя с особенной самобытной культурой, родилась под стук петровских топоров в эпоху, названную эпохой Просвещения. И эти три понятия — патриотизм, просвещение, свобода — были ключевыми для творчества основоположника нашей науки и литературы Михаила Васильевича Ломоносова. На заре девяностых заведённым в тупик обществом был отвергнут патриотизм — и просвещение оказалось свёрнутым, а свобода выморочной. В России наступила эпоха Контрпросвещения, эпоха смердяковского презрения к собственным традициям, к родному языку, к патриотическим чувствам. Эпоха, вместо веры в науку и прогресс подсовывающая нам суеверия и поиск утопической экономической панацеи. Выходить из этого тупика необходимо. Но возврат к ценностям просвещения возможен только как осознанная педагогическая задача, решать которую нужно уже в начальной школе. Опыт подсказывает, что результативность образования сильно снижается при недостатке патриотического воспитания; для успешного проявления личности необходимо осознание счастливой принадлежности к большой — успешной и благополучной — культуре. Панические настроения по отношению к собственной стране, её истории и культуре не стимулируют молодого человека в его образовании, а, напротив, подрывают веру в себя, заставляют искать счастье на стороне, рождают в людях самоощущение второсортности, с которым никогда не уживается любовь к наукам.

1

Поколение, вступающее сейчас в цикл начальной школы, может стать для нашего общества потерянным или обрётённым. Индустрия детской культуры, работавшая в прежние годы, сейчас исчезла, и в современном дошкольном воспитании отсутствует привязка к родному языку, к родной истории. Современных отечественных детских героев, какими были в прежние годы герои художественных и мультипликационных фильмов, спектаклей, сказок и стихов, практически нет. Их место занимают японские, американские, европейские герои, формирующие совсем иную систему ценностей, в которой русскому языку и любви к нему, конечно, нет места. И в то же время осколки прежней индустрии детской культуры не теряют своего влияния: так, песни прежних лет, выдержавшие безжалостный отсев времени, в последние годы снова вошли в нашу жизнь. Благодаря бабушкам и дедушкам они остались близкими и понятными и шести-семилетним детям. Их популярность внушает оптимизм: значит, тяга к отечественному, к собственному творчеству, психологически объяснимая, неистребима. И этот потенциал нужно использовать в педагогике — ведь сейчас нам так трудно находить для учащихся средней и высшей школ мотивацию изучения родного языка, родной литературы. Такую мотивацию помогут утвердить песни; здесь талант преподавателей сливается с талантом авторов и исполнителей этих песен — и это даёт результат. Одна из школьных технологий последних лет предлагает начинать обучение чтению и писанию с детских песен и народных песен XIX–XX вв.

Знакомство с новой техникой обучения письму и чтению, основанного на наших песнях, стало для меня приятным удивлением. Представьте себе «прописи», в которых вместо «крючочков», «палочек» и «кружочков», а также пресловутой «мамы, которая мыла раму или Ми-

лу» и тому подобных текстов даются наиболее популярные в семьях песни. Секрет нового подхода в том, что вместо примитивизации содержания во имя доступности для малых детей, когда шестилеткам предлагаются тексты и рисунки, соответствующие умственному возрасту трёхлетних, здесь используется пооперационная развёртка деятельности на основе целостных полноценно-художественных произведений. Вместо последовательности от элементов букв — к буквам — к слогам — словам — предложениям — текстам, дети осваивают письменный навык, двигаясь совершенно иначе, я бы сказал, совершенно неожиданно, относительно сложившейся традиции. Вначале взрослый показывает рукописный текст указкой и читает его, а дети слушают, видят и привыкают к образу письма. Моторика будущего письма нарабатывается с помощью раскрашивания затейливых рисунков, не имеющих ничего общего с примитивными «грибочками и ёлочками», в изобилии встречающимися в привычных рабочих тетрадях. Результат — дети умеют следить пальчиком за чтением учителя и читать то, что написали другие.

Следующий шаг — перед глазами у детей *тексты популярных песен, напечатанные двойной «прозрачной» линией, которые надо «раскрасить»*.

Следующая рабочая тетрадь — тексты песен, предназначенные для письма на кальке — прозрачной бумаге. Наконец, освоив техники репродуктивного копирования, первоклассник приступает к списыванию песен в собственную тетрадь, вначале с рукописного образца, позднее — с печатного. При этом, прежде чем писать диктанты, учитель и дети добиваются полной грамотности при списывании.

Данная последовательность работы позволяет малышам на самых ранних этапах освоения деятельности работать с целостными художественными текстами, обладающими для них высокой эмоциональной привлекательностью.

Я привёл здесь краткое описание методики, которая интересна сама по себе, но в данной статье хотел бы обратиться не к технологической стороне формирования навыка, а к социокультурным аспектам использования песни в качестве учебного материала.

Уроки чтения и письма в первом классе — это первая ступенька в филологическом образовании каждого из нас, причём составителям программ необходимо помнить, что пройти её должен действительно каждый, а не только будущие специалисты-словесники... Здесь воспитание любви к литературе, если угодно, пропаганда её ценностей куда важнее профессиональных филологических премудростей (признаюсь, что лично мне осознание этого далось нелегко). Технология, которая объединяет уроки чтения и письма, способна (и это едва ли не главное) оказаться плодотворной пропагандой отечественной словесной культуры для тех, кто сейчас ходит в первый класс. Решение крупных, актуальных для современного общества, социальных проблем немыслимо без их решения в педагогике. Для нас стало крылатым апокрифическое заявление А.В. Суворова: «Война не окончена, пока не похоронен последний павший на ней солдат». Современный опыт Советского Союза конца восьмидесятых, разодранного локальными войнами, и России, чья государственность сейчас проходит испытание на прочность на Северном Кавказе, показывает: если школа не преподнесет самым младшим (ещё не обладающим всеми правами и обязанностями) гражданам многонациональной Российской Федерации объединительной идеологии, войну, в которой не может быть победы, нельзя считать завершённой. Самый важный инструмент идеологии, инструмент, без которого её изложение невозможно, — это язык. И ни государственная символика, ни культура не могут ничего значить для человека, не полюбившего государственный язык, не научившегося видеть его красоту и ощущать его богатство. Поэтому в начальной школе, когда учащийся делает первые шаги в чтении и писании, необходима сапёрская осторожность педагога, который с наглядностью и занимательностью вводит первоклассника в мир, банально, но верно названный «миром знаний».

Возьмём радикальный пример: наш северокавказский конфликт можно будет считать завершившимся, когда чеченские дети, не забывая и своих чеченских песен, с удовольствием запоют «Спят усталые игрушки» или «Песню о весёлом ветре». А ведь добиться такого результата можно школьными средствами — и предложенная технология для первых классов

тому подтверждение.

Если при составлении школьных программ гуманитарных дисциплин исходить из желания воспитывать граждан мира (эта опасная идея весьма популярна в нашей нынешней педагогике), то мы получим кучку сносно образованных космополитов и огромную армию граждан... подворотен. Ибо людей, восприимчивых к чужой культуре, способных ею проникнуться и обогатиться, в мире единицы, а родная культура может быть «воздухом, которым мы дышим», она помогает каждому из нас раскрыть свой потенциал. Даже в родственных европейских культурах действует правило: немец всегда лучше поймёт Германию, чем француз, и наоборот (пример со скандинавами, теряющими свою культуру и обретающими уценённую англо-американскую, болезнен).

В чём же достоинства предложенной технологии? В усовершенствовании принципа прописи, когда школьники сперва раскрашивают буквы, из которых складываются слова и песни, а на следующем этапе уже прописывают каждую букву по прозрачной кальке, приложенной к странице? Да, приём рациональный, но прорыв заключается не в нём, а в песенном содержании уроков. Ведь песня, как известно в Европе, ведущей свою генеалогию с древнегреческих аэдов, — это первооснова всей литературы. И в XX веке песня осталась самым массовым жанром, формирующим и сознание, и эстетический вкус человека с самых юных его лет. Массовая песня высокого уровня подготавливает человека к восприятию великой литературы. Уверен, что наш читатель сороковых — пятидесятых — шестидесятых не сумел бы принять и полюбить, скажем, творчество Булгакова или Пастернака, если бы с детства ему не сопутствовали песни на стихи Исаковского, Фатьянова, Лебедева-Кумача. Личность, воспитанная на образах таких песен, как «Я на подвиг тебя провожала», «Катюша», «Соловьи», обретая зрелость, обретает и должную эстетическую подготовленность к восприятию самых сложных художественных ценностей; таким образом мы получаем человека, готового проявить себя, как говорили раньше, «и в труде, и в бою», человека, знающего цену любви и дружбе, мужеству и долгу перед Родиной, шутке и печали. Лучшие наши песни, написанные в XVIII–XX веках и ставшие подлинно народными, — это всегда хорошая школа для невольного соавтора, который слушает их и поёт.

Разумеется, массовая песня не только формирует, но и отражает национальный характер, идею времени, эпохи. Вкус к песне передаёт стиль того или иного поколения, отражает его славу, его удачу, его представления об идеале. Противники патриотического принципа в образовании считают необходимым создать в сознании учащегося картину равноправной конкуренции культур, в ходе которой он может выбрать и родную, и любую другую культуру, и любой другой язык. В этом отношении они исходят из принципа (никем не доказанного), что такая конкуренция, в отличие от догматического патриотизма, стимулирует активизацию учащегося, заставляет его глубже изучать ту или иную дисциплину. По моему мнению, не только в образовании и идеологии, но и, скажем, в промышленности, торговле и финансовой области элементы конкуренции с зарубежными производителями возможны лишь в условиях жёсткого протекционизма. Свободная же конкуренция не стимулирует, а губит отечественного производителя (работник образования — тоже производитель, производитель знаний), оставляя его без изначальной поддержки гарантированным спросом, а значит и без капиталов. Убеждён, что решение президента России Б. Ельцина ездить на «Мерседесе», а не на ЗИЛе, а также решение его внуков учиться не в московских университетах, а в Европах, наносит равной силы удары по отечественному автомобилестроению и образованию, бьют по их престижу, по репутации, лишают отечественный товар престижности — а это сильнейшая и действенная антиреклама. Семья правителя России не должна уподобляться семьям олигархов Танзании и Пуэрто-Рико, для которых западноевропейские университеты — это, конечно, «марка»... К этому можно добавить, что свободная конкуренция российской национальной идеи с национальными идеями других народов в нашем образовании не соответствует принципу примата государственного интереса над личным, сложившемуся с петровских времён и связанному с идеологией Просвещения. Результаты свободной конкуренции в промышленности и образовании известны, их легче всего выразить одним словом:

разруха. И ответственность за это должны взять на себя наши выдающиеся экспериментаторы. Когда же просвещение и патриотизм — господствующие ценности эпохи, то наш народ проявляет свои лучшие качества и побеждает собственные недостатки. Конечно, нельзя навязывать патриотизм, говорить о нём в лоб, постоянно произнося догматические заклинания. Ответом на такую простодушную программу будут снобизм и раннее высокомерие. Но следовало бы ограничить возможности влияния антипатриотических и антипросветительских идей. Для этого нужно просто показывать детям Россию талантливую, сильную, справедливую. Показывать на примере самого доступного идеологического продукта — массовой песни.

В ненавязчивом изучении наших народных песен есть известная доля идеологического воспитания. Помимо идеи лингвистического патриотизма, здесь знаменателен также акцент на культурном и государственном патриотизме. Можно ли сейчас считать такую идеологию назревшей? Осознается ли необходимость в подобной идеологии нашим обществом?

2

Прививка русской народной песней (народными зачастую становятся и песни литературные — но об этом процессе нужно говорить подробнее и в специальном исследовании) имеет большое значение в воспитании осёдлого поколения, способного к плодотворному труду и творчеству в российских условиях. О феномене осёдлости как о созидательной системе ценностей говорил академик Лихачёв, который связывал вопрос любви к языку, верности языку с вопросом выживания культуры и народа: «Некоторые народы просто исчезают, они начинают говорить на языках, более выгодных для них в жизненном плане. И поэтому забывают даже о своей принадлежности к определённому народу, исчезают полностью. Другие народы захватываются, скажем, репертуаром театров, кино, телевидением крупных народов. И поэтому уменьшается разнообразие человеческого мира, а разнообразие — это ведь своеобразный культурный генофонд»*. Очень точная и нелестная для нас картина: ведь в этих словах Лихачёва так легко узнать нас нынешних... Без здорового влияния нашего фольклора и искусства, связанного с национальными традициями народов России, язык не выживет, превратится в кунсткамеру, в музей, кажущийся собранием анахронизмов поколениям, воспитанным на MTV. Поколоти зайца — и он спички зажигать научится, води сына в «Макдональдс» — и копчёная осетрина покажется ему резиновой. Вкус к языку воспитывается с детских сказок и песен — и с этого материала следует начинать изучение языка в начальной школе.

* Лихачёв Д.С. Об интеллигенции. СПб, 1997. С. 51.

Итак, Дмитрий Сергеевич Лихачёв предлагает нам стремиться к идеалу человека созидющего, человека осёдлого, связанного со своей Родиной и её традициями крепкими узами. Что же предлагают другие авторитетные мыслители, завоевавшие популярность в российских элитах последнего десятилетия? Вот Иосиф Бродский — автор, не приобретший массовой популярности, но влияющий на массы посредством единомышленников из «тонкого слоя» (Бродского министр культуры Швыдкой назвал идеальным автором гимна России). Бродский отстаивает агрессивный индивидуализм личности, свободной от обязательств перед Родиной, семьёй, друзьями... Лишить себя этих привязанностей — самоцель. И Бродский напрямую (хотя и невольно) спорит с Лихачёвым: «Как нас учили? Что всё это так развивалось — сначала были кочевники, потом оседлые... Что эволюционировал вид (человек) от кочевого образа жизни к оседлому. Я думаю, что эта версия истории, что она ведь сочинена людьми оседлыми и уже таким образом окрашена в определённые тона...»**. Этому мыслителю ближе идеал кочевника с его дикой свободой — что ж, в качестве маргинальной такая эстетика возможна, но в качестве магистральной — она страшна и опасна. Как опасны любые маргинальные элитарные ценности, когда им пытаются придать статус «столбовой дороги». Столбовая дорога России — это осёдлость, просвещение и патриотизм.

** Бродский И.А. Большая книга интервью. М., 2000. С. 380.

Идеологические волки всегда являются в овечьих шкурах. Пропагандистское сражение выигрывает тот, кто сумел привлечь на свою сторону не только естественных союзников, но и — путём обманного манёвра — недалёковидных противников. Так, в Гражданскую войну большевистские пропагандисты клеймили белых за космополитизм (немецкая фамилия «Врангель» обыгрывалась Демьяном Бедным: «Вы в кирхен будете молиться за мейне русише душа»). Так некогда обманули и нас, атакуя советский социализм с марксистских позиций (живописуя богатство правящего класса, осуждая неравенство) и одновременно призывая к рынку. Подлинными сторонниками рынка, предприимчивые люди, готовые к капитализму, и так были за буржуазную революцию, но нужно было поставить под её знамёна рабочих и учителей, врачей и библиотекарей, завистливо подсчитывавших лимузины Щёлокова и Брежнева. А какой миф создавали пропагандисты для Ельцина? После непьющего, слабовольного подкаблучника, продавшего Россию Западу, Горбачева — лихо пьющий, крепкий, волевой «патриот — сильная рука» Ельцин. Этот образ мало в чём соответствовал действительности, и вскоре пришло разочарование, но цель — победа на выборах — была достигнута. То есть создаются универсальные идеологические схемы, на ура подхватываемые избирателем, а затем под их прикрытием начинаются деяния, никак не связанные с декларируемой идеологией. Это механизмы рыночной политики, которые формируют дух нынешней эпохи. Увы, долгосрочные капитальные планы, ориентированные на решение крупных научно-технических задач, в которых должны быть задействованы люди всех социальных слоёв, не являются характерными для нашего времени.

А наше время, 1990-е, вернее всего назовут **эпохой контрпросвещения**, то есть — эпохой, основным набор ценностей которой (начиная с космополитизма и установки на формирование «граждан мира») прямо противоположен складывавшимся веками ценностям российского Просвещения. И никогда ещё со времён петровских реформ в России не стояли так низко ценности просвещения, никогда не была так унижена наука (если не считать первых послереволюционных лет, но то были, по сути, военные годы, и уже в начале двадцатых на просвещение стали обращать внимание). Всё верно: грамотная Россия и не нужна тем, кто хочет с лёгкостью манипулировать несознательным обществом. Таким образом из всех склонностей нашего многонационального народа усиливается только склонность к бытовому анархизму, а тяга к дисциплине и порядку, к знаниям и творчеству уничтожается. Есть и страшная установка на демонтаж российского интеллекта; в сложившихся условиях «мозгам» остаётся только «утекать» — долой из России, из страны, которая, увы, больше не ставит перед собой амбициозных просветительских задач. За последнее десятилетие все эти болезни так сильно поразили наше общество, что сейчас просвещение без патриотизма становится бессмысленным, оно не окажется способным к воспитанию поколения «оседлых» (по образному, точному и уже знакомому нам выражению академика Д.С. Лихачёва), людей, которые будут не поколением смуты, а поколением мысли и дела. Воспитание образованных космополитов для современной России бесперспективно: дефицит зрелого патриотизма так болезнен, что в этом случае мы получим скорое исчезновение нашей культуры и переход русского языка в разряд умирающих. Сейчас очень многие — кто с умилением, кто с презрением — видят Россию лапотной, тёмной страной, в которой странным элитарным исключением из чудовищной действительности сверкают Эльбрусы нашей культуры. Культуры, которая-де возникла вопреки государству и вопреки обществу. Этот взгляд весьма удобен для людей с завышенным самомнением, которым приятно ощущать себя «исключениями из правил». На самом деле великая культура послепетровской России неразрывно связана с идеей народного просвещения. В нашей культуре установка на народность куда важнее установки на элитарность. И явление Ломоносова, Суворова, Пушкина было не личной заслугой гениев, оторванных от жизни страны, а общенародным прорывом в Просвещение. Прорывом, начавшимся с русской песни, которую наши герои полюбили с малых лет и которая оказала влияние на их воспитание. «Покажите мне народ, у которого бы больше было песен», — ри-

торически вопрошал Н.В. Гоголь. И первые песни, на которых первокласснику предлагается учиться складному письму, рассказывают о матери и о Родине, рассказывают о школе (в этом возрасте очень важно привить романтику школы, в противном случае мы получим вялых учащихся, отбывающих в школьных классах многолетний мучительный номер):

Здесь десять классов пройдено,
И здесь мы слово «Родина»
Впервые прочитали по складам.
(М. Матусовский)

Эти строки далеки от агрессивного индивидуализма выскочек «без роду, без племени», они подчёркивают принадлежность к огромной культуре нашей Родины, к её народу. Важное значение имеют и песни о песне, прославляющие народную музыкальную эстетику, — жизнерадостные, весёлые и в наше время не потерявшие своей сочности. Песня композитора Дунаевского и поэта Лебедева-Кумача согрета заразительным талантом певца и артиста Леонида Утёсова, чей образ и сейчас способен покорять публику. Кстати, Утёсова любят дети, радуясь его песням, звучащим в мультфильмах и кино:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт никогда...

И далее —

Нам песня строить и жить помогает...

Теперь песня помогает и учиться. Учащийся по песенному тексту будет воображать и голос певца, и мелодию, и смысл слов, и их грамматическое значение.

Итак, у нас получается спаянная цепочка: просвещение, патриотизм, песня. Сколько проблем пульсирует в этом треугольнике!

3

Печальная практика последнего времени состоит в дискредитации науки, которая проводилась параллельно дискредитации патриотизма. В моде сетования на экологические трудности, созданные-де наукоёмким производством... Конечно, такое природолюбивое чистоплюйство выгодно тем, кто хочет видеть Россию зависимой, слабой, тёмной. Конечно, подобные идеологические диверсии сыграли свою роль в заключительной фазе проигранной нами Холодной войны, на ошибках которой мы должны были учиться (но не учились), уже десятилетие. А между тем десятки тысяч бомжей, появившихся после закрытия многих предприятий, наносят нашей экологии куда больший вред, чем демонизированная журналистами химическая промышленность. Для общественного мнения, созданного подобными сказками, дикость и мракобесие оказываются предпочтительнее исследовательской сметливости. Если верить в науку, если предоставлять ей аванс общественного доверия, то учёный мир сможет справиться и с любой экологической катастрофой. Гробовщики нашей науки даже пустили в ход не имеющий ничего общего с историей российского Православия миф о противостоянии церкви и науки, о вечной борьбе разума и чувства, духа. Всё приплели ради единственной цели — ради ослабления России. Страх перед наукой — постыдное качество нашего нового поколения; пока он не изжит, наши перспективы туманны.

Да, мы отброшены назад настолько, что сейчас необходимо заново создавать ценности Просвещения, готовить почву для его будущего расцвета. Ценности, выработанные в эпоху Просвещения, когда создавалась Российская империя и её патриотическая идеология, противостоят мракобесию. Это вера в разум, в исправление пороков путём расширения просветительской программы, путём повышения профессионализма во всех областях человеческой деятельности. Сейчас нам необходима поддержка титанов российского просвещения, сформировавших нашу культуру. Вспоминаются стихи Ломоносова; когда-то мы читали их с нот-

ками гордости в голосе, они казались гимном торжествующей российской науке. Сейчас, когда наши университеты в лучшем случае готовят кадры для чужих кафедр и лабораторий, когда во многих городах России престижным считается труд гастарбайтера, мы чувствуем первоначальный трагизм этих строк и читаем их со слезами, но не без надежды:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовёт от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Ломоносов верил не зря; ему наследовала Россия Суворова и Пушкина, Достоевского и Менделеева, Станиславского и Ивана Павлова, Алексея Лосева и Алексея Косыгина... Мы не должны забывать этой России, выросшей на своих мудрых и добрых песнях. Этой России не было бы без стараний первых наших просветителей, усердно повторявших свои уроки перед узкой, но расширявшейся аудиторией. И мы не увидим возрождения просвещённой России, если не научим нынешних школьников любви к родному языку. И, может быть, главным нашим помощником в этом деле опять будет песня... Ведь стать Платоном или Невтоном в чужом языковом поле невозможно; человек способен по-настоящему раскрыться либо на родном языке, либо ни на каком. Сейчас не может быть успешной идеи патриотизма без идеи просвещения, как не может быть действенной антипатриотической просветительской программы, направленной на формирование «граждан мира». Повторим правило, известное со времён Ломоносова: или патриотическое просвещение — или немедленная деградация.